О хорошем отношении к роженицам

ВО МНЕ

Татьяна ДОГИЛЕВА,
актриса

Недавно у меня родилась дочь Катя.

До этого я, как полагается, читала все статьи, посвященные проблемам московских родильных домов, и разговаривала с подругами и знакомыми. Я подготовилась должным образом — была напугана до ужаса. Одна мама вспоминала, как страшный сон, свои платные роды в элитной клинике, другая — бесплатные в обычной. Я узнала о чудовищных условиях, о полной незащищенности женщин и детей, о безалаберных врачах, о медсестрах, которые вымогают деньги под угрозой не подойти к новорожденному. Короче, во второй акушерской клинике Московского областного института акушерства и гинекологии я оказалась, когда уже вообразила все кошмары, которые только можно было вообразить.

Однако то, с чем я там столкнулась, произвело на меня просто шоковое впечатление. Пусть никого не удивляет, что я употребляю превосходные степени. В МОНИАГе я попала в некий — как бы это сказать — человеческий заповедник. Обо мне заботились, со мной нежно разговаривали, а с Катей обращались так, что я не могла понять — это их ребенок или мой.

Допускаю, что такое внимание частично было вызвано тем, что я артистка. Но я наблюдала, как те же врачи и медсестры ухаживали за другими мамами, терпеливо объясняя каждую мелочь и успокаивая, даже если повод для беспокойства был надуманным. Чтобы не возникало вопросов, сразу скажу, что лежали в этой клинике самые обычные, совершенно не «элитные» женщины. Работа профессионала всегда красива, чем бы он ни занимался. Пеленая наших детей так, что те воспринимали эту процедуру с удовольствием, медсестры еще и разговаривали с ними... В этой клинике потрясающий микроклимат. Я не знаю, чем это объяснить, кроме как чудом сохранившихся традиций. И больше всего обидно, что работают эти люди в каких-то нечеловеческих условиях.

Здание старое, наверное, дореволюционное, и кровати там, по-моему, еще дореволюционные. Окна без занавесок, свет — как в тюрьме, эти беспощадные дневные лампы. Ни одна розетка не работает. Про сантехнику просто умолчу. Нет того, нет этого — всех дыр не залатаешь. Денег ни на что не хватает. Зарплата медсестры тысяч сто, не больше, а живут они все за городом и тратят на дорогу в один конец часа полтора времени и кучу денег. Если не выдерживают и увольняются, то уходят оттуда со слезами...

Помню, я играла медсестру в рязановской «Забытой мелодии для флейты». В свое время фильм купил голливудский продюсер Чак Фрис в расчете на эмигрантов. В связи с этим я была приглашена в Америку, где давала бесконечные интервью. После просмотра для прессы одна журналистка сказала: «Мне понравился фильм, но многое неясно, давайте разбираться. Почему ваша медсестра живет в таких невыносимых условиях?» Я объяснила: потому что она бедная. С журналисткой случился столбняк: как же моя героиня может быть бедной, если она медсестра с дипломом?

Плохим отношением к человеку сейчас никого не удивишь. Равнодушие и тотальный прагматизм — обычное дело. Удивление и бурю восторга вызывают сегодня простые и естественные в прошлом вещи — бескорыстие и отзывчивость. Муж как-то дал молодому человеку лет двадцати «прикурить», чтобы завелась машина, и когда молодой человек стал предлагать ему доллары, а муж не взял, юноша был потрясен. Это новое поколение, которое выбрало пепси, выбирает и отношения между людьми, которые оплачиваются.

Как сохранить те немногие моральные экологические зоны, которые еще остались и в одной из которых мне посчастливилось побывать? Одна из печальных примет времени: для того чтобы их сохранить, нужны деньги. Кого призвать? Правительство? Я догадываюсь, что призывать правительство к чему-либо глупо. От бессилия начинаю мечтать: ну подкинули бы какие-нибудь богачи немножко денег, ну не устроили бы очередную презентацию...

Я, конечно, не совсем наивный человек и понимаю, что мой рассказ — это глас вопиющего в пустыне. Богатые все равно будут устраивать презентации, и никто ничего не даст... Но по крайней мере кто-то узнает, что есть еще такие — позволю себе повториться — уникальные человеческие заповедники, а тем, кто там работает, во всяком случае будет приятно. Что я могу? Разве что пригласить этих редких врачей и медсестер, с которыми мы расстались как с родственниками, на свои спектакли, когда снова выйду на сцену. Впрочем, об этом мы с ними уже договорились...

Моск. новости. — 1995. — №5, 22–29 янв. — С. 5.